

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ ЗА 2021 ГОД

За 2021 год Квалификационной комиссией Адвокатской палаты города Севастополя рассмотрено 19 дисциплинарных производств, из которых 5 возбуждено по обращениям судей, 6 – по представлению Вице-президента Адвокатской палаты г. Севастополя, 8 – по жалобам доверителей.

При этом из 6 представлений Вице-президента Адвокатской палаты города Севастополя одно было внесено в связи с неисполнением адвоката решения Совета Адвокатской палаты города Севастополя, а остальные пять – по результатам обращений граждан и юридических лиц.

Из 19 рассмотренных дисциплинарных производств 4 (21%) связаны с неисполнением обязанности адвоката явиться в судебное заседание либо заблаговременно уведомить суд о невозможности явиться в судебное заседание по уважительным причинам; 10 (53%) – с ненадлежащим выполнением обязательств перед доверителем по надлежащему оформлению отношений адвоката с доверителем; 3 (16%) - подрыв доверия к адвокату и адвокатуре; 2 (10%) – неисполнение решений Совета Адвокатской палаты города Севастополя.

В 2021 году не возбуждались и не рассматривались дисциплинарные дела в связи с невыполнением обязанности адвоката по уплате обязательных отчислений на нужды адвокатской палаты, в то время как 2020 году такие дисциплинарные производства составляли 64 % от рассмотренных.

По результатам рассмотрения дисциплинарных дел квалификационной комиссией вынесено 16 (84%) заключений о наличии в действии (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или Кодекса профессиональной этики адвоката, 2 (11%) заключения о необходимости прекращения дисциплинарного производства ввиду отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или Кодекса профессиональной этики адвоката, 1 заключение (5%) о необходимости прекращения дисциплинарного производства ввиду примирения адвоката с заявителем. По результатам рассмотрения дисциплинарных производств Совет АП г. Севастополя согласился с выводами квалификационной комиссии.

Из 16 установленных по результатам рассмотрения дисциплинарных производств нарушений 11 или 69% составляют нарушения, с ненадлежащим исполнением обязательств адвоката перед доверителем; 3 (19%) – действия, которые могут вызвать подрыв доверия к адвокату или адвокатуре в целом; 2 (12%) – неисполнение адвокатом решений Совета Адвокатской палаты города Севастополя.

Из установленных нарушений по ненадлежащему исполнению обязательств адвоката перед доверителем 4 (25%) связано с неявкой адвоката в судебное заседание, 3 (19%) – с ненадлежащим оформлением отношений с доверителем, в том числе, когда условия соглашения содержат явно «непрозрачные» условия для доверителя, 1 – с навязыванием адвокатом своих услуг доверителю недостойным способом, 1 (6%) – занятие адвокатом позиции по уголовному делу вопреки воле доверителя, 2 (12%) – недобросовестное исполнение адвокатом обязательств перед доверителем.

Адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убеждён в наличии самоговора своего подзащитного.

Апелляционным определением Севастопольского городского суда отменён приговор Ленинского районного суда г. Севастополя, которым Ш. осужден по части 1 статьи 111 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Судом апелляционной инстанции было установлено, что в судебном заседании, как это следует из

протокола судебного заседания, подсудимый вину в совершенном преступлении не признал и пояснил, что инкриминируемое ему преступление не совершал. Об этом же заявил подсудимый и прениях.

Между тем, как следует из протокола судебного заседания, адвокат, осуществлявший защиту подсудимого, несмотря на указанную позицию подзащитного, отрицавшего причастность к преступлению, настаивавшего на необоснованности предъявленного ему обвинения по ч.1 ст.111 УК РФ, в своем выступлении в прениях указал, что действия подзащитного необходимо переqualифицировать на причинение средней тяжести вреда здоровью.

По мнению судьи, указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что позиция адвоката противоречила позиции и интересам защищаемого им лица, чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-правовым законом право подсудимого на защиту.

Адвокатом представлены письменные пояснения. Адвокат полагает, что он в ходе защиты прав и интересов подсудимого принципы состязательности сторон, обеспечения обвиняемому права на защиту не нарушал. Речь адвоката в прениях в протоколе судебного заседания зафиксирована не в полном объеме и даёт реальное представление о том, что адвокат не квалифицировал действия подзащитного и не высказывался о его виновности.

В прениях на основании исследованных в судебном заседании доказательств, адвокатом был сделан акцент на опровержении признательных показаний подсудимого, то есть самоговора, сделанного подзащитным на стадии предварительного следствия.

Опровергая единственное доказательство – заключение судебно-медицинского эксперта, на основании которого действия доверителя были квалифицированы по ч.1 ст.111 УК РФ, адвокат высказался, что если бы подобные нарушения в ходе предварительного следствия были бы установлены, то необходимо было квалифицировать как действия, причинившие средней тяжести вред здоровью.

Вопрос переqualификации как довод стороны защиты с доверителем обговаривался, получено согласие на данные действия, что и послужило мотивом подачи адвокатом ходатайства на стадии судебного следствия о дополнительном вызове судебно-медицинского эксперта, а в дальнейшем - приводить доводы в прениях.

На заседании квалификационной комиссии адвокат дополнительно пояснил, что его подзащитный указывал, что преступления не совершал, но адвокат оправдать его не просил.

Изучив материалы дела, квалификационная комиссия пришла к следующим выводам. Приговором Ленинского районного суда г. Севастополя Ш. осуждён по ч.1 ст.111 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы. В судебном заседании в судебных прениях подсудимый Ш. заявил: «Что я могу сказать... в своё оправдание... Могу сказать, что я этого не совершал... что потерпевшая знала, что распитие спиртных напитков категорически запрещено, однако это сделала, ну, а в дальнейшем будет ясно». Данное выступление подсудимого в судебных прениях квалификационная комиссия расценивает как непризнание вины. Квалификационная комиссия также при оценке данного высказывания учитывает пояснения адвоката о том, что подсудимый фактически заявил о непричастности к совершению преступления.

Несмотря на то, что адвокат в своей защитительной речи критиковал доказательства стороны обвинения и доказанность вины подзащитного в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.111 УК РФ, адвокат допустил ряд высказываний, которые могут быть квалифицированы как высказывания о виновности подзащитного.

Так адвокат в своей речи указал: «Соответственно, я полагаю, что так как на предварительном следствии мой подзащитный не отрицал факт удара, действия он не признаёт по причинению тяжкого вреда здоровью, полагаю, что его действия необходимо было переqualифицировать на причинение средней тяжести вреда здоровью, хотя по этому поводу заключение эксперта не проводилось...»

Далее адвокат высказался о неверной квалификации действий подзащитного и просил вынести справедливое судебное решение.

Обвинительный приговор отменен апелляционным определением Севастопольского городского суда. Судебная коллегия Севастопольского городского суда в апелляционном определении указала, что по смыслу уголовно-процессуального закона, защитник является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, однако, как его позиция по уголовному делу, так и круг его полномочий, в конечном счете определяются тем, что он является участником судопроизводства, выступающим на стороне защиты и призванным отстаивать права и интересы подозреваемого, обвиняемого.

Исходя из положений ч.7 ст.49 УПК РФ адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, и в силу положений п. п.3, 4 ч.3 ст.6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» не может занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самоговора доверителя, делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

Как следует из протокола судебного заседания, адвокат, несмотря на позицию подсудимого, отрицавшего причастность к преступлению, настаивавшего на необоснованности предъявленного ему обвинению по ч.1 ст.111 УК РФ, в своем выступлении в прениях, указал на то, что действия подсудимого необходимо переквалифицировать на причинение средней тяжести вреда здоровью.

В соответствии с п.п.1, 4 п.1 ст.7 Федерального закона от 31.05.2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п.1 ч.1 ст.8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Согласно пп.2 п.1 ст.9 КПЭА адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного.

В судебном заседании подсудимый заявил о том, что преступления не совершал, что нашло отражение в апелляционном определении и не оспаривается адвокатом. В случае, если лицо не признает себя виновным в совершении инкриминируемого деяния, заявление защитника о том, что действия подзащитного необходимо квалифицировать в соответствии с уголовным законом о менее тяжком преступлении, противоречит позиции подзащитного.

При таких обстоятельствах квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что в действия адвоката имеется нарушение положений пп.2 п.1 ст.9 КПЭА.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя от 10.12.2021 года к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Выполнение действий по оказанию юридической помощи при отсутствии письменного соглашения между адвокатом доверителем само по себе является нарушением требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

В соответствии с п.6 ст.25 Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо

перечислению на расчётный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В жалобе заявитель указала, что обратилась к адвокату Л. Адвокат попросил уплатить вознаграждение в сумме 50000 рублей, которые были уплачены заявителем сразу, однако договор, квитанции, расписки и какие-либо учётные документы составлены не были.

После направления гражданского дела из Гагаринского районного суда г.Севастополя в Ленинский районный суд г.Севастополя адвокат Л. сказал, что необходимы ещё денежные средства в сумме 300000 рублей, которые будут лежать у него в сейфе и будут использованы только после успешного завершения дела. В противном случае (если решение суда будет принято не в пользу заявителя), адвокат обязуется вернуть указанные денежные средства по первому требованию заявителя.

При получении денег адвокат Л. напечатал расписку и подписал её.

Позже заявитель выяснила, что адвокат не исполнил должным образом свои обязанности, а точнее оказался профессионально не подготовлен, не принимал надлежащего участия в судебном разбирательстве, не отстаивал и не защищал интересы заявителя.

Адвокатом Л. представлены письменное объяснение и адвокатское производство по оказанию юридической помощи заявителю.

Адвокат Л. в письменных объяснениях указывает, что фактически правовая помощь заявителю была им оказана квалифицированно, добросовестно и в полном объёме, однако, признаёт свои действия виновными в том, что не заключил соглашения с заявителем и не передал денежные средства в адвокатское образование.

Квалификационной комиссией установлено, что адвокатом Л. от заявителя принято поручение на оказание последней юридической помощи: представительство интересов заявителя в гражданском деле по иску Министерства обороны Российской Федерации к заявителю и членам её семьи, третьи лица: 1 отдел (г. Севастополь) ФГКУ «Южное региональное управление», ФГКУ «Крымское территориальное управление», о признании утратившими право пользования жилым помещением и выселении без предоставления без предоставления другого жилого помещения.

Указанные обстоятельства подтверждаются копией решения Ленинского районного суда г. Севастополя, из которого усматривается, что по данному делу Л. представлял интересы ответчиков по ордеру. Также эти обстоятельства признаются адвокатом и подтверждаются материалами адвокатского производства.

Адвокат Л. признаёт факт оказания юридической помощи в отсутствие письменно оформленного соглашения с доверителем, а также факт получения вознаграждения в сумме 50000 руб.

Согласно ответу коллегии адвокатов «... и партнёры» города Севастополя от на запрос квалификационной комиссии, адвокат Л. не регистрировал в документации коллегии соглашение, заключенное с заявителем. На расчётный счёт и в кассу коллегии адвокатов «... и партнёры» города Севастополя денежные средства по соглашению об оказании юридической помощи между адвокатом Л. и заявителем, не поступали и не вносились.

Таким образом, квалификационная комиссия посчитала установленным факт оказания адвокатом Л. юридической помощи без надлежащего оформления отношений с доверителем (заключения письменного соглашения с доверителем), а также факт невнесения в кассу адвокатского образования наличных денежных средств, полученных от доверителя в качестве вознаграждения за юридическую помощь.

В соответствии с п.1 ст.25 Федерального закона от 31 мая 2002 года (с изменениями и дополнениями) №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон) адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Надлежащее исполнения своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных

отношений с доверителем при предоставлении их интересов перед третьими лицами в строгом соответствии с законом.

Профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката (статья 5 КПЭА).

Профессиональная деятельность адвоката в отсутствие соглашения изначально является обстоятельством, позволяющим доверителю усомниться в порядочности, честности и добросовестности адвоката, может явиться причиной утраты доверия к нему.

Необходимо отметить, что надлежащее исполнение адвокатом требования законодательства о простой письменной форме соглашения, внесение денег в кассу образования либо безналичный расчёт с перечислением на счёт адвокатского образования, совершение наличных расчётов в офисе, включение в соглашение всех значимых условий внесения вознаграждения (кем, каким способом) в случае осуществления финансирования третьим лицом в большинстве случаев предотвращает возможность возникновения и развития конфликта с доверителем.

Нарушения при оформлении адвокатом своих отношений с доверителями не только нарушают требования закона (ст.25 Закона), но и влечёт нарушения целого ряда норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Требование к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, и, следовательно, являются общеобязательными. Нарушение указанных требований влечёт за собой возникновение состояния неопределённости в правоотношениях адвоката и доверителя.

Характер отношений между доверителем и адвокатом требует заключения соглашения в письменной форме и насколько это возможно чёткого, не допускающего разночтений определения сторон, предмета соглашения, конкретизации прав и обязанностей адвоката и доверителя.

Именно адвокат, как наиболее профессиональная сторона договора, обязан обеспечивать высокую степень определенности при принятии и исполнении поручения по представлению интересов доверителей.

В соответствии с п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

В соответствии с п.2 ст.4 КПЭА необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из присвоения статуса адвоката. Таким образом, для адвоката недопустимо игнорировать установленные законодательством требования об оформлении отношений с доверителем. Отсутствие письменного соглашения с доверителем является также ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Таким образом, вследствие ненадлежащего оформления отношений с доверителем адвокатом Л. были нарушены требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Заявителем не приведены конкретные доводы и доказательства относительно ненадлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей в ходе представительства интересов заявителя в судебном заседании, однако, квалификационная комиссия отмечает, что оказание правовой помощи в отсутствие письменного соглашения с доверителем само по себе является ненадлежащим исполнением обязанностей перед доверителем. По этим же основаниям квалификационная комиссия не принимает во внимание доводы адвоката Л. о том, что обязанности по представительству интересов заявителя в суде выполнял квалифицированно и добросовестно.

Адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося ему за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей (п.1, п.2 ст.16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Вознаграждение, полученное адвокатом от доверителя, подлежит обязательному перечислению на расчётный счёт или внесению в кассу любого адвокатского образования. В данном случае адвокатом в этой части также были нарушены положения ст.25 Закона.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Аналогичным образом при рассмотрении дисциплинарного дела в отношении адвоката З. квалификационной комиссией было вынесено заключение о наличии нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре (ст.25 Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и ст.5, п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В жалобе заявитель указывает, что в начале декабря 2020 года обратился к адвокату З. по вопросу оказания им юридической помощи по делу в трудовом споре в суде апелляционной инстанции. Адвокат пообещал достижение положительного результата по делу и запросил за свою работу вознаграждение в размере 10000 рублей. При этом договор на оказание юридической помощи в письменном виде составлен не был и квитанция за получение денежных средств адвокатом выдана не была. Деньги в качестве вознаграждения были оформлены переводом на банковскую карту жены адвоката. В судебном заседании адвокат заявлял ходатайства, которые были отклонены судебной коллегией, без согласования с доверителем сообщал суду не соответствующие действительности сведения, игнорировал во время слушания дела возражения своего доверителя, молчал во время выступления представителя ответчика и прокурора. По мнению заявителя, в результате действий адвоката З. дело было разрешено не в его пользу.

Адвокат З. в письменных объяснениях на жалобу указывает, что в декабре 2020 года к нему в личный аккаунт в социальной сети поступило сообщение от заявителя с просьбой помочь в трудовом споре. Заявитель и адвокат договорились о встрече в офисе. На встречу заявитель принёс документы, которые ранее отправлял адвокату. На вопрос адвоката, чем он может помочь, заявитель ответил, что его не устраивает маленький размер суммы присужденного морального вреда.

Впоследствии заявитель и адвокат З. договорились о том, что по данному делу адвокат будет представлять интересы заявителя в Севастопольском городском суде. За подготовку дополнительных пояснений, ознакомления с материалами гражданского дела и участие в судебном заседании размер вознаграждения адвоката был определен в 10000 руб. Заявитель сказал, что ему удобно оплатить вознаграждение адвокату по безналичному расчёту. Адвокат предложил произвести оплату на расчётный счёт адвокатского образования. Заявитель сказал, что он не сможет перевести деньги на счёт в банке РНКБ. Адвокат предложил перевести деньги на карту его супруги в Сбербанке России, на что заявитель согласился и произвёл оплату таким образом.

Адвокат ознакомился с материалами гражданского дела, предоставив при этом в суд ордер, согласовал правовую позицию с доверителем, подготовил дополнительные пояснения по апелляционной жалобе, участвовал в судебном заседании.

Адвокатом в судебном заседании были поданы дополнительные пояснения по апелляционной жалобе, а также заявлено ходатайство о приобщении дополнительных документов.

После принятия решения суда не в пользу заявителя, последний прислал адвокату З. копию решения суда и поинтересовался мнением адвоката. Адвокат разъяснил, почему Севастопольский городской суд принял именно такое решение.

Через несколько дней заявитель сообщил адвокату З., что нашёл нового адвоката и его не устраивает качество услуг адвоката З.

Адвокат З. признаёт факт того, что между ним и заявителем письменное соглашение не заключалось. При этом адвокат З. указывает, что никаких обещаний и гарантий заявителю не давал.

Квалификационная комиссия указала, что из положений ст.25 Закона, а также ст.ст. 6, 6.1, 10, 13, 16 Кодекса профессиональной этики адвоката следует, что правовая помощь оказывается исключительно на основании соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашением регулируются предмет поручения, порядок и условия выплаты вознаграждения адвоката. На условия соглашения об оказании юридической помощи распространяются правила сохранения профессиональной тайны. Отношения между адвокатом и доверителем могут возникнуть только в связи с заключением соглашения об оказании юридической помощи.

Таким образом, в случаях оказания адвокатом юридической помощи за вознаграждение соглашение об оказании юридической помощи является единственной допустимой формой принятия адвокатом поручения от доверителя. При этом при заключении такого соглашения адвокату с учётом его статуса необходимо руководствоваться положениями ст.25 Закона. Статья 25 Закона является специальной нормой по отношению к положениям Гражданского кодекса РФ, регулирующими правоотношения, возникающие из договора поручения. Закон предусматривает определенные требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи, в частности соглашение должно быть заключено в простой письменной форме.

Требование закона относительно формы и содержания соглашения об оказании юридической помощи недопустимо воспринимать как несущественную формальность, поскольку такое положение закона непосредственно связано с обеспечением убежденности доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя от 08.06.2021 года к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания.

В соответствии с п.1 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

В Адвокатскую палату города Севастополя 31 августа 2021 года поступило обращение судьи Ленинского районного суда г. Севастополя о нарушении адвокатом Д. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики.

В обращении указано на неисполнение адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей, которое выразилось в его неявке 24 августа 2021 года в судебное заседание по уголовному делу в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.201 УК РФ, Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.5 ст.33, ч.1 ст.201 УК РФ.

Адвокат Б., являясь защитником обвиняемого Д. по соглашению, в судебном заседании 13 июля 2021 года был надлежащим образом под расписку уведомлен об отложении рассмотрения дела на 10 часов 24 августа 2021 года для вызова свидетелей. При этом адвокат Д. о каких-либо причинах, которые препятствовали его участию 24 августа 2021 года в судебном заседании не сообщал. Однако, в судебное заседание 24 августа 2021 года адвокат Б.

не явился, на вызовы по телефону не отвечал, а непосредственно в судебном заседании подсудимый Д. пояснил, что его защитник находится в отпуске за пределами г. Севастополя.

Неявка защитника повлекла отложение судебного разбирательства на 9 часов 16 сентября 2021 года.

После судебного заседания было установлено, что 23 августа 2021 года в 13 час. 47 мин. на электронную почту суда от адвоката Б. поступило заявление об отложении судебного заседания по данному уголовному делу в связи с его нахождением в отпуске, которое, учитывая сам срок отложения судебного заседания (более 1 месяца), согласованного, в том числе, и с адвокатом Б., при данных обстоятельствах не является заблаговременным уведомлением о невозможности явки.

Адвокатом Б. представлено письменное объяснение, в котором адвокат не оспаривает сведения, изложенные в обращении судьи, и обращает внимание, что он заранее 23.08.2021 года уведомил суд о невозможности явиться в судебное заседание по причине нахождения в отпуске за пределами г. Севастополя, что подтверждает само обращение судьи и приобщенное к нему заявление об отложении судебного заседания.

Кроме того, о невозможности явиться в судебное заседание был заблаговременно уведомлен его подзащитный Д. и адвокат, осуществляющий защиту подсудимого Р.

Адвокат Б. полагает, что по результатам разбирательства квалификационная комиссия вправе вынести заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем по следующим основаниям:

- уважительность неявки адвоката подтверждается заявлением в адрес суда о невозможности явиться в заседание в связи с реализацией конституционного права на отпуск;
- в результате неявки в судебное заседание конституционные и процессуальные права участников уголовного судопроизводства, в том числе подзащитного, нарушены и ограничены не были;

- ознакомление суда заблаговременно поданным заявлением об отложении заседания после самого заседания, как об этом указано в обращении судьи, не может являться нарушением норм адвокатской деятельности или ненадлежащего исполнения обязанностей адвоката перед доверителем;

- суд не рассматривал вопрос о назначении подзащитному адвоката Б. иного защитника.

В соответствии с п.п.1, 4 ч.1 ст.7 Федерального закона от 31.05.2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан:

- честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;

- соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п.1 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

Согласно ч.3 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката при использовании права на отпуск (отдых) адвокат должен принять меры к обеспечению законных прав и интересов доверителя.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что адвокатом Б. требования, предусмотренные п.1 ст.14 Кодекса профессиональной этики, не соблюдены.

В случае, когда адвокат ходатайствует о назначении другого времени судебного заседания, поведение адвоката, не явившегося в судебное заседание, можно считать допустимым при следующих условиях:

- наличие уважительной причины, объективно препятствующей адвокату прибыть в судебное заседание;
- адвокат заблаговременно уведомил об этом суд.

При этом недостаточно указать только на наличие причины неявки без соответствующего подтверждения. Адвокат Б., кроме указания на то, что находится в отпуске, не представил суду или квалификационной комиссии данных, подтверждающих, что он действительно находился за пределами города Севастополя, а также период, в течение которого он находился в отпуске (с указанием даты, с которой адвокат выехал за пределы города Севастополя).

У адвоката Б. в период с 13 июля 2021 года до 23 августа 2021 года имелось достаточно времени, чтобы уведомить суд о своей неявке. С учётом того, что дата судебного заседания была согласована судом с другими участниками процесса более, чем за месяц, подачу заявления во второй половине дня, предшествующего дню судебного заседания, невозможно считать заблаговременной.

Адвокатом Б. не представлены убедительные доводы о том, что:

- он не имел возможность уведомить суд о причинах своей неявки ранее;
- по состоянию на 13.07.2021 года он не располагал сведениями о своём предстоящем выезде за пределы г. Севастополя;
- право на отпуск не могло быть реализовано без неявки в судебное заседание 24.08.2021 года.

При таких обстоятельствах со стороны адвоката Б. имело действие, выразившееся в несвоевременном уведомлении суда о причинах неявки в судебное заседание, что привело к отложению рассмотрения дела. Такое действие является нарушением п.1 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя от 22.10.2021 года к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде замечания.

В Адвокатскую палату города Севастополя поступило обращение судьи Балаклавского районного суда г. Севастополя. Согласно обращению судьи, в производстве Балаклавского районного суда города Севастополя находится уголовное дело по обвинению Р. и С. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч.2 ст.112 УК РФ.

Постановлением старшего дознавателя ОД ОМВД России по Балаклавскому району г. Севастополя от 11 июня 2020 года подозреваемому С. назначен защитник за счёт государства.

Распоряжением Президента Адвокатской палаты города Севастополя от ... №.../н/20 ведение данного дела на всех стадиях уголовного судопроизводства поручено адвокату К.

Судебное заседание по данному уголовному делу было назначено на 14 октября 2020 года в 11 часов 30 минут, о чём заблаговременно — 30.09.2020 года путём направления судебной повестки и смс-извещения был уведомлен адвокат К. Согласно отчёту об извещении с помощью смс-сообщения, извещение о месте и времени рассмотрения указанного уголовного дела доставлено К. 30 сентября 2020 года в 11 часов 30 минут. Также судом адвокату К. была направлена телефонограмма на указанный в распоряжении номер телефона, вместе с тем адвокат К. на телефонные звонки не отвечал, за получением почтовой корреспонденции на почтовое отделение связи не являлся.

При этом в судебное заседание, назначенное на 14 октября 2020 года в 11 часов 30 минут адвокат К. не явился, об уважительных причинах неявки суду не сообщил, а также никаких заявлений, ходатайств об отложении дела от адвоката К. в суд не поступило.

Неявка защитника повлекла отложение судебного заседания на 30 ноября 2020 года в 10 часов 00 минут.

Несмотря на это, адвокат К., будучи надлежащим образом и заблаговременно (23 октября 2020 года) уведомленным о месте и времени рассмотрения дела 30 ноября 2020 года в 10 часов 00 минут, в судебное заседание в указанный день и время не явился, сообщив в телефонном режиме за 45 минут до судебного заседания, что не может явиться в судебное заседание в связи с участием в ином судебном заседании в г. Симферополе.

Неявка адвоката К. повлекла повторное отложение судебного разбирательства по уголовному делу в отношении Р. и С. и в связи с таким отношением защитника к исполнению своих профессиональных обязанностей — вынесение судом постановления о замене подсудимому С. защитника.

Ссылаясь на положения ч.7 ст.49 УПК РФ, п.6 ч.4 ст.6, п.п.1, 2, 4 ч.1, ч.2 ст.7 Федерального закона от 31.05.2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч.ч.1, 3 ст.14 Кодекса профессиональной этики адвоката, судья указывает на невыполнение адвокатом К. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

На заседание квалификационной комиссии явился адвокат К., который возражал против доводов, изложенных в обращении. Адвокат К. пояснил, что действительно был уведомлен о судебном заседании, назначенном Балаклавским районным судом г. Севастополя на 10 часов 30 ноября 2020 года, однако, вечером 29 ноября 2020 года (воскресенье) ему позвонил следователь из г. Симферополя и сообщил, что на 10 час. 30 ноября 2020 года назначено судебное заседание по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого — подзащитного адвоката К.

Адвокат К. приобщил распечатку текстовых сообщений, которые, по его утверждению, являются скриншотами с его телефона и содержат копии сообщений, которые адвокат К. отправлял на личный номер телефона судьи Балаклавского районного суда г. Севастополя. Адвокат К. пояснил, что отправлял сообщения на личный номер телефона судьи вечером, так как о причине невозможности явки в судебное заседание в Балаклавский районный суд г. Севастополя он узнал слишком поздно и, по его мнению, иной возможности уведомить суд о неявке в судебное заседание не было.

Впоследствии адвокатом К. таким же образом судье была направлена фотокопия повестки Центрального районного суда г. Симферополя в подтверждение факта его занятости 30 ноября 2020 года.

На вопросы членов квалификационной комиссии адвокат К. ответил, что действительно участвовал в судебном заседании в Центральном районном суде города Симферополя. Адвокат К. подтвердил, что участвовал в судебном заседании именно по делу №1-.../2020 (данный номер указан на фотокопии судебной повестки).

Уголовное дело рассматривалось по существу, а следователь позвонил адвокату К. вечером, так как с его подзащитным якобы были какие-то следственные действия.

Квалификационной комиссией была изучена информация о движении дела №1-.../2020 на официальном сайте Центрального районного суда г. Симферополя. Так, 30 ноября 2020 года в 10 час. 30 мин. по данному делу действительно было проведено судебное заседание (провозглашение приговора). При этом на сайте Центрального районного суда города Симферополя по данному делу скрыта информация о подсудимом и о его защитнике. Ранее по данному делу судебное заседание проведено 24 ноября 2020 года и объявлен перерыв. Адвокат К. пояснил, что участвовал в судебном заседании 24 ноября 2020 года в Центральном районном суде г. Симферополя, и ему соответственно было известно о том, что следующее судебное заседание назначено на 10 час. 30 мин. 30 ноября 2020 года.

Выслушав адвоката К. и изучив материалы дела, квалификационная комиссия пришла к следующим выводам.

Распоряжением Президента Адвокатской палаты города Севастополя от ... 2020 года №.../н/20 адвокату К. было поручено выполнение постановления ст. дознавателя ОД ОМВД России по Балаклавскому району г. Севастополя по уголовному делу о назначении защитника подозреваемому С. и ведение уголовного дела на всех стадиях уголовного судопроизводства.

23 октября 2020 года в 14 час. 32 мин. адвокат К. телефонограммой был вызван в судебное заседание в Балаклавский районный суд г. Севастополя в качестве защитника к 10 час. 30 ноября 2020 года по уголовному делу №1-208/2020 по обвинению Р., С. Факт получения телефонограммы адвокатом К. не оспаривается. Таким образом, суд заблаговременно уведомил защитника о дате и времени рассмотрения дела.

30 ноября 2020 года в 9 час. 16 мин. адвокат К. передал телефонограмму помощнику судьи Балаклавского районного суда г. Севастополя. Адвокат К. по телефону сообщил о том, что в судебное заседание к 10 час. 30.11.2020 года он не явится, так он участвует в рассмотрении дела в г. Симферополе.

В связи с неявкой адвоката К. Балаклавским районным судом г. Севастополя рассмотрение уголовного дела было отложено. Также Балаклавский районный суд г. Севастополя постановлением от 30.11.2020 года подсудимому С. был назначен другой защитник.

Квалификационная комиссия не приняла во внимание объяснения адвоката К., так как они являются противоречивыми, непоследовательными и явно направленными на введение квалификационной комиссии в заблуждение. Так, адвокат К. сначала утверждал о необходимости участия в судебном заседании в городе Симферополе по ходатайству некоего следователя по вопросу избрания или продления меры пресечения. Далее адвокат К. уточнил, что это было очередное судебное заседание по уголовному делу, которое суд рассматривал по существу. При таких обстоятельствах объяснения о том, что о необходимости явки на такое заседание накануне вечером позвонил следователь, являются неубедительными. После этого адвокат К. уточнил, что следователь звонил, так как с подзащитным адвокатом К. необходимо было провести следственные действия.

Кроме того, ни один из доводов адвоката К. не подтверждён какими-либо доказательствами. Так, квалификационная комиссия не имеет объективной возможности проверить достоверность сведений, содержащихся на скриншотах, в частности, установить с какого именно и на какой номер, какому абоненту направлялись текстовые сообщения. Качество размещённой на этих же скриншотах фотокопии повестки не позволяет установить какие-либо сведения, кроме номера дела.

В любом случае квалификационная комиссия считает установленным факт заблаговременного уведомления Балаклавским районным судом г. Севастополя адвоката К. о предстоящем судебном заседании. Квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что у адвоката К. была объективная возможность (как минимум, с 24 ноября 2021 года) как своевременно уведомить Балаклавский районный суд г. Севастополя о предстоящем судебном заседании в Центральном районном суде г. Симферополя Республики Крым, так и поставить 24.11.2021 года в известность Центральный районный суд города Симферополя Республики Крым о том, что на 10 часов 30 ноября 2021 года ранее Балаклавским районным судом г. Севастополя уже назначено судебное заседание.

В соответствии с п.4 п.1 ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года (далее — КПЭА), при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Согласно п.1 ст.14 КПЭА при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при

намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при невозможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

Указанные требования КПЭА адвокатом К. не выполнены. Так, честное, разумное и добросовестное исполнение обязанностей защитника предполагает участие в судебном заседании по уголовному делу для защиты прав и законных интересов доверителя-подсудимого. Невозможность прибыть в судебное заседание может быть оправдана исключительно наличием уважительных причин. При этом о наличии таких причин адвокат должен заблаговременно уведомить суд и ходатайствовать о назначении другого времени. Адвокат заблаговременно Балаклавский районный суд г. Севастополя о наличии таких причин не уведомил. Кроме того, квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии таких причин. Таким образом, адвокат Киселёв С.В. допустил неявку в судебное заседание без уважительных причин, что является ненадлежащим исполнением своих обязанностей.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя от 16 марта 2021 года к адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

Точное и полное определение предмета поручения позволяет адвокату, во-первых, четко обозначить объем предстоящей работы и парировать в дальнейшем возможные претензии доверителя относительно того, насколько полно адвокат исполнил поручение, а, во-вторых, соотнести этот объем работы с размером причитающегося вознаграждения. Таким образом, требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными.

Вице-президентом Адвокатской палаты города Севастополя 30 августа 2021 года в Адвокатскую палату города Севастополя внесено представление о нарушении адвокатом К. требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Представление внесено на основании жалобы З. В жалобе З. указывает, что 4 августа 2021 года обратилась к адвокату К., так как ей срочно требовалась правовая помощь, а фамилия этого адвоката ей часто встречалась в сети «Интернет». З. подъехала к нему в офис, внесла оплату в сумме сто тысяч рублей, и заключила с адвокатом соглашение на оказание правовой помощи. Адвокат после этого отправился на допрос к сыну З., ознакомился у следователя с постановлением на трёх листах, провел приватную беседу с подозреваемым в течение 20-30 минут, а после назначил З. встречу и ознакомил с выводами, которые сделал.

З. просила адвоката К. добиться домашнего ареста, но он сказал, что нечего и пытаться, шансы на успех незначительные. При этом З. указывает, что другой адвокат добился успешного результата, вникнув в дело в течение нескольких часов. На другой день после заключения соглашения З. позвонила адвокату К., чтобы узнать планы и действия адвоката по делу на день, их у него не было. Через несколько часов она ещё раз задала вопросы о том, что ей нужно подготовить и будет ли суд по мере пресечения. Адвокат ничего, кроме того, что всё плохо и ничего нельзя сделать, не сказал. 5 августа 2021 года в 14 часов в телефонном режиме З. расторгла соглашение с адвокатом К. и попросила вернуть деньги за вычетом гонорара за его действия 4 августа 2021 года. Адвокат К. ответил категорическим отказом, хотя в пункте 12 соглашения указано, что оплата производится за фактически выполненные работы. З. выражает сомнение, что объём работы, выполненной адвокатом К., оценивается в 100000 руб. З. указывает также на некорректное поведение адвокат и его непрофессионализм. Также З. ссылается на то, что она получает пенсию по инвалидности, её муж тоже пенсионер, а сын получает бюджетную зарплату. Она с большим трудом сумела достать деньги для оплаты услуг адвоката, но адвокат эти деньги не отработал и не хочет возвращать. Более того, адвокат, отказываясь возвращать сумму гонорара, угрожал З. судебным разбирательством.

Таким образом, З. указывает на недостойное поведение адвоката и ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей, что подрывает авторитет адвокатуры.

Адвокат К. пояснил, что при заключении соглашения об оказании правовой помощи от 4 августа 2021 года З. была ознакомлена с условиями соглашения, в том числе порядком оценки фактически выполненных работ при расторжении (п.1.1 соглашения), с чем добровольно согласилась и поставила подпись, причём на экземпляре соглашения адвоката З. поставила подпись на обоих листах.

Согласно соглашению, правовая помощь оказывалась сыну З. - К., от которого ни во время оказания правовой помощи, ни по настоящее время каких-либо претензий относительно качества оказания правовой помощи не поступало.

В силу того, что З. является доверителем, а не подзащитным, адвокат К. считает, что она не вправе давать какую-либо оценку помощи, оказанной К.

Перед заключением соглашения З. сообщила адвокату, что обратиться к нему ей посоветовал её сын перед тем, как его задержали сотрудники следственного комитета. 5 августа 2021 года примерно в 16 час. 00 мин. подзащитный З. отказался от защиты адвоката К. Однако, инициатива отказа от защиты исходила не от подзащитного, так как он находился в ИВС и не имел средств связи, а от его матери, которая наняла другого адвоката. Адвокат (фамилия в объяснении не указывается) явился в ИВС к задержанному и поставил его перед фактом о решении матери сменить адвоката.

Адвокат К. также ссылается на то, что З. не оспаривает факт оказания им правовой помощи по соглашению и считает, что им оказана правовая помощь более 50% от общего объёма работы. При этом З. на данный момент оплатила только 50 % фактически выполненной работы.

После расторжения соглашения З. в телефонном режиме и переписке начала фактически пересматривать условия заключенного соглашения, всячески обесценивая его работу и незаслуженно критикуя ее по надуманным и ложным причинам.

Адвокат К. считает, что в общении с З. и в процессе оказания правовой помощи З. он правила адвокатской этики не нарушал. Общение проводилось исключительно в вежливой форме. Обвинения З. в адрес адвоката К. считает голословными, так как они ничем не подтверждены, являются вымыслом с целью скомпрометировать его имя и заставить отказаться от условий соглашения в части оценки фактически выполненной работы.

Из материалов жалобы З. следует, что 4 августа 2021 года между З. и адвокатом К. заключено соглашение об оказании правовой помощи (далее — Соглашение).

Согласно п.1 Соглашение Поверенный (адвокат К.) принимает на себя обязательство перед Доверителем (З.) на условиях и в порядке, предусмотренном настоящим соглашением, осуществлять защиту прав и законных интересов З.К. (далее — Подзащитный) по уголовному делу по ст.159 УК РФ на стадии предварительного следствия, а Доверитель обязуется выплатить Поверенному гонорар за предоставленные услуги.

Согласно п.1.1 Соглашения, Стороны договорились, что указанная в п.1 правовая помощь состоит из следующих этапов работ в процентном соотношении к общему объёму работ и именно в таком соотношении будет учитываться в случае досрочного расторжения Соглашения:

- правовой анализ ситуации, разработка тактики и стратегии защиты на основе информации, предоставленной в устной форме Доверителем Поверенному при заключении настоящего Соглашения (мыслительный, аналитический процесс в объёме, который Поверенный по своему усмотрению сочтёт достаточным для оказания Поверенным правовой помощи Подзащитному в виде советов) — 50 % работы.

- участие в процессуальных действиях — 50 % работы.

В соответствии с п.10 Соглашения Доверитель обязан оплатить Поверенному в соответствии с договоренностью сторон при заключении настоящего Соглашения гонорар в размере 200000 (двести тысяч) рублей, из которых 100000 оплачивается при заключении Соглашения, а оставшиеся 10000 рублей в срок до 10.08.2021 года.

В соответствии с п.12 Соглашения в случае одностороннего расторжения или отказа от настоящего Соглашения Подзащитным после его подписания оплата производится за фактически выполненные работы, предусмотренные п.1.1 Соглашения.

Согласно п.15 Соглашения Доверитель настаивает, что настоящее Соглашение заключено только на стадию предварительного следствия и не включает стадию судебного разбирательства.

Изучив материалы дела, квалификационная комиссия посчитала установленными обстоятельства, изложенные в представлении Вице-президента Адвокатской палаты г. Севастополя, в части заключения адвокатом К. соглашения с З. на защиту её сына по уголовному делу на предварительном следствии 4 августа 2021 года. Предмет соглашения и условия подробно изложены в представлении и подтверждаются содержанием имеющейся в материалах дела копии соглашения.

Квалификационная комиссия пришла к следующим выводам.

Заклучив 4 августа 2021 года с доверителем З. соглашение об оказании правовой помощи, адвокат сформулировал п.п.1,1.1, 10 Соглашения относительно предмета и объёма правовой помощи и определения стоимости услуг таким образом, что его формулировка непрозрачна, не обеспечивает однозначного понимания того, какие конкретно обязательства перед доверителем З. принял на себя адвокат К., что ввело в заблуждение доверителя относительно характера, объёма и стоимости оказываемой ей адвокатом юридической помощи. В соответствии со статьей 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Являясь гражданско-правовым договором, соглашение об оказании юридической помощи в полной мере подчиняется общим нормам гражданского законодательства, если иное не предусмотрено специальными нормами законодательства об адвокатской деятельности. Среди указанных общих норм необходимо, прежде всего, руководствоваться положениями главы 27 ГК РФ «Понятие и условия договора». Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила его поведения при осуществлении адвокатской деятельности на основе нравственных критериев и традиций адвокатуры (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия (п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката). Существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является предмет поручения (подп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). С учетом приведенных нормативных положений Квалификационная комиссия в своем Заключение справедливо пришла к выводу, что адвокат не вправе заключать с доверителем соглашение, условия которого непрозрачны, не обеспечивают их однозначного понимания, и, следовательно, могут ввести в заблуждение доверителя относительно характера и объёма оказываемой ему юридической помощи. Поручение адвокату должно быть сформулировано корректно и максимально конкретно, чтобы на практике не возникало неопределенности в его толковании. Поскольку содержанием соглашения является юридическая помощь, то есть, специфическая деятельность адвоката, предметом поручения следует считать те действия, которые адвокат обязуется совершить в интересах доверителя при оказании такой помощи. С учётом того, что из положений п.п.1.1, 10 Соглашения следует, что правовая помощь состоит из двух этапов (50% - участие в процессуальных действиях), а при досрочном расторжении договора оплата вознаграждения адвоката осуществляется за фактически выполненные работы, имеют значение и должны быть указаны в соглашении не только сами действия, но и место, время, продолжительность, количество и другие обстоятельства их совершения. Точное и полное определение предмета поручения позволяет адвокату, во-первых, четко обозначить объем предстоящей работы и парировать в дальнейшем возможные претензии доверителя относительно того, насколько

полно адвокат исполнил поручение, а, во-вторых, соотносить этот объем работы с размером причитающегося вознаграждения. Таким образом, требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Предметом поручения в Соглашении об оказании юридической помощи от 4 августа 2021 года, является защита З.К. по уголовному делу по ст.159 УК РФ на стадии предварительного следствия. В силу положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стадия предварительного следствия предполагает совершение определенного объёма следственных и процессуальных действий с участием обвиняемого или подозреваемого. Защита лица по уголовному делу несомненно предполагает оказание участвующим в деле защитником правовой помощи при задержании лица, предъявлении обвинения, допросе в качестве обвиняемого, участие в очных ставках, ознакомление с заключениями экспертиз, участие в судебных заседаниях по вопросам избрания меры пресечения, ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия. При этом обязанности защитника и правовая помощь адвоката предполагает также при необходимости подачу ходатайств, в том числе о производстве следственных действий, обжалование действий следователя и т.д. В то же время из п.1.1 Соглашения следует, что при досрочном расторжении соглашения, считается, что участие адвоката в процессуальных действиях (без указания вида, количества, объёма) само по себе составляет 50 % работы. Очевидно, что определенность и конкретность в предмете Соглашения от 4 августа 2021 года отсутствуют. Общие фразы в описании предмета поручения ввели доверителя в заблуждение, породили завышенные ожидания и, как следствие, привели к конфликту между адвокатом и доверителем.

В частности, из доводов З. следует, что адвокатом выполнен незначительный объём работы, явно не соответствующий сумме уплаченного адвокату вознаграждения. Адвокат К. Из объяснений адвоката и представленного им акта выполненных работ следует, что такой довод адвоката основан на самом факте участия адвоката в процессуальных действиях в качестве защитника З.К. Из акта выполненных работ следует, что адвокат К. был занят в качестве защитника З. один день и участвовал в составлении протокола задержания З.К. и его допросе в качестве подозреваемого. Кроме того, содержание акта выполненных работ дополнительно указывает на непрозрачное определение фактического объёма выполненной правовой помощи. Так акт содержит перечень действий с указанием времени их выполнения. В то же время соглашение не содержит положений о почасовой оплате работы адвоката. Разногласия сторон относительно фактического объёма выполненных работ и их стоимости (в частности, спор о том, можно ли считать участие адвоката в двух процессуальных действиях в течение одного дня 50% от объёма работы по защите по уголовному делу на стадии предварительного следствия) вызваны именно неконкретным описанием предмета оказываемой правовой помощи.

Надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи соответствовало требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет ему защиту данных прав и охраняемых законом интересов. Именно адвокат К. как профессиональная сторона соглашения, формировавшая его условия, обязан был обеспечить

высокую степень определенности при принятии и исполнении поручения по представлению интересов Доверителя. Необходимо также учитывать, что соглашение было заключено в условиях крайне сложной как для З., так и её сына жизненной ситуации, возникшей у доверителя в связи с задержанием З. по подозрению в совершении преступления. При таких обстоятельствах скрупулёзное соблюдение требований к описанию предмета соглашения являлось тем более необходимым.

В соответствии со ст.5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему.

Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

В соответствии с п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

При этом в соответствии с п.1 ст.6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката в целях настоящего Кодекса под доверителем понимается лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи.

Таким образом, в действиях адвоката К. имеет место нарушение положений ст.5 и п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку неконкретное определение в соглашении предмета, объёма и стоимости фактически оказанных услуг ввело в заблуждение доверителя, что является ненадлежащим исполнением обязательств перед доверителем и подрывает доверие как к адвокату, так и адвокатуре в целом.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя от 22.10.2021 года к адвокату применена мера дисциплинарного воздействия в виде замечания.

Приглашение защитника является исключительно инициативой подозреваемого, обвиняемого, законного представителя или другого лица по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. В противном случае личная инициатива адвоката по предоставлению помощи является навязыванием помощи. Заявитель не приглашал кого-либо из защитников и не заявил следователю ходатайство о назначении защитника.

Заявитель Б. в жалобе указал, что 19.10.2020 года был задержан сотрудниками УМВД России по г. Севастополю, его отвели в кабинет следователя Н., которая сообщила, что его подозревают в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30-п. «г» ч.4 ст.228.1 УК РФ. Он попросил следователя предоставить ему адвоката. Через некоторое время в кабинет зашла женщина, которая представилась адвокатом Р. и сообщила, что к ней обратились его родственники, а кто именно — не сказала. Поскольку Б. не мог проверить, действительно ли адвоката пригласили его родственники, то был вынужден поверить ей на слово и подписать с ней соглашение, экземпляр которого адвокат ему не предоставила. Адвокат Р. сообщила, что в его ситуации лучше дать признательные показания, а также то, что она уже договорилась о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и его не будут заключать под стражу, а впоследствии он получит мягкое наказание. Показания, которые он дал по её заверению были не в интересах защиты, а в интересах следствия. Б. был допрошен как подозреваемый, а после этого примерно в десять часов вечера ему было предъявлено обвинение и он был допрошен в качестве обвиняемого.

21.10.2020 года Ленинским районным судом г. Севастополя в отношении Б. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Доводы адвоката Р. в суде о том, что с ним будет заключено соглашение о сотрудничестве были оставлены судом без внимания, так как ничем объективно не подтверждались. Постановление суда об избрании меры пресечения

в виде заключения под стражу от 21.10.2020 года адвокатом Р. не обжаловано, несмотря на то, что Б. не был с ним согласен. Позже Б. стало известно о том, что никто из родственников к адвокату Р. не обращался и её для защиты не приглашал. При таких обстоятельствах заявитель полагает, что адвокату Р. о его задержании могли сообщить только сотрудники полиции. Считает, что адвокат Р. навязала ему свои услуги путем использования своих связей с работниками правоохранительных органов, а также обещанием благоприятного для него результата — назначения мягкого наказания вследствие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Заявитель указывает, что согласился на участие в деле адвоката Р. только потому, что она пообещала ему заключение со следствием досудебного соглашения. Именно этим была обусловлена его позиция по делу. Фактически именно адвокат убедила его дать признательные показания. При этом, из постановления суда об избрании меры пресечения прокурор и следователь возможности заключения досудебного соглашения не подтвердили.

В своей жалобе Б., среди прочего, указывает на нарушение адвокатом Р. требований пп.6 п.1 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в навязывании адвокатом своих услуг с использованием связей с сотрудниками правоохранительных органов и требований п.1 ст.8 Кодекса профессиональной этики адвоката — ненадлежащее и недобросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей, и просит привлечь адвоката Р. к дисциплинарной ответственности.

Адвокат Р. представила письменные объяснения, где указала, что считает доводы, изложенные в жалобе Б., ложными. 19 октября 2020 года адвокат Р. явилась к следователю Н. для ознакомления с материалами уголовного дела. В этот момент в кабинете следователя находился гр-н Б. От него адвокат Р. узнала, что он задержан в подвале дома, адрес которого адвокат не помнит, при фасовке наркотических средств. Между задержанным Б. и адвокатом Р. завязался разговор, в котором адвокат Р. разъяснила Б. все особенности расследования дел по указанной категории, в том числе о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последствиях заключения такого соглашения. Адвокат Р. сказала, что является адвокатом Адвокатской палаты города Севастополя, предложила ему заключить соглашение.

Адвокат Р. отмечает, что до её появления в кабинете следователя Б. неоднократно давал объяснения, изобличающие его и подельников в организации интернет-магазина и легализации денежных средств, полученных от продажи наркотических средств. Об этом адвокату стало известно от следователя и она ознакомилась с этими объяснениями.

После некоторых раздумий Б. согласился заключить с адвокатом Р. соглашение. Никакие доверители на тот момент от имени Б. к адвокату Р. не обращались. Появление адвоката Р. в кабинете следователя — совпадение.

В конфиденциальной беседе адвокат Р. предложила Б. осуществлять его защиту совместно с коллегой, В., так как предполагала, что предварительное следствие в связи со сложностью уголовного дела будет длительное, на что Б. также дал свое согласие, подписав соглашение.

Б. сообщил адвокату Р. номер телефона сестры, которой адвокат Р. незамедлительно сообщила о задержании Б.

Адвокат Р. указывает, что следователь был заинтересован в заключении досудебного соглашения, оформил протокол допроса подозреваемого Б., последний обратился в адрес прокурора г. Севастополя с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Ходатайство следователем было принято.

О том, кто и когда задержал Б., адвокату Р. стало известно после того, как Б. подписал с ней соглашение. Ранее о его задержании адвокату Р. не было известно. В судебном заседании адвокат Р. не могла оспаривать обоснованность подозрения, так как Б., как полагала адвокат, дал следователю чистосердечные показания.

Также адвокат Р. указала, что в момент общения с сестрой Б., банковская карта, привязанная к адвокатскому счёту, была размагничена и получить денежные средства для

предварительной оплаты по договору аренды жилого помещения адвокат не могла. Оплата услуг адвоката Р. и адвоката В. не была произведена, в связи с чем по результатам рассмотрения уголовного дела адвокат Р. непременно обратится в суд с иском о взыскании положенной к выплате суммы согласно соглашению.

Таким образом, адвокат Р. полагает, что исполнила свои обязанности адвоката честно и добросовестно, просит в удовлетворении жалобы Б. отказать.

К объяснению адвокат Р. приложила копию заключенного с Б. соглашения об оказании юридической помощи от 19 октября 2020 года; копию ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве от 19.10.2021 года; копию ходатайства Б. на имя следователя о разрешении выдать адвокату Р. принадлежащие Б. вещи.

Изучив материалы дисциплинарного дела, квалификационная комиссия посчитала установленными следующие обстоятельства.

19 октября 2020 года Б. был задержан по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30-п.«г» ч.4 ст.228-1 УК РФ, о чём в 18 час. 30 мин. следователем отделения СЧ СУ УМВД России по г. Севастополю Н. составлен протокол задержания. Протокол задержания составлен с участием адвоката Р., участвовавшей в данном процессуальном действии как защитник Б. Указанное обстоятельство подтверждается представленными заявителем копией протокола задержания от 19 октября 2020 года и ордера №65 от 19 октября 2020 года, из которого усматривается, что адвокатом Р. на основании соглашения принято поручение на защиту Б. по уголовному делу №1200167...

В период с 19 час. 38 мин. по 20 час. 45 мин. 19 октября 2020 года Б. с участием защитника — адвоката Р. был допрошен следователем отделения СЧ СУ УМВД России по городу Севастополю Н., что подтверждается представленной заявителем копией протокола допроса подозреваемого от 19 октября 2020 года.

В этот же день Б. в присутствии защитника — адвоката Р. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, п. «г» ч.4 ст.228.1 УК РФ, после чего Б. в присутствии адвоката Р. в период с 21 час. 00 мин. по 21 час. 45 мин. 19 октября 2020 года был допрошен в качестве обвиняемого, что подтверждается копией постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 19.10.2020 года и копией протокола допроса обвиняемого от 19.10.2020 года.

Постановлением Ленинского районного суда г. Севастополя от 21 октября 2020 года Б. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Из копии постановления Ленинского районного суда г. Севастополя от 21.10.2020 года следует, что в судебном заседании как защитник обвиняемого Б. участвовала адвокат Р.

Также данное обстоятельство подтверждается копией протокола судебного заседания. Из протокола судебного заседания следует, что защитником — адвокатом Р. заявлено ходатайство об отложении судебного заседания на 72 часа. Защитником ходатайство мотивировано тем, что Б. дал правдивые показания следователю, вину признал, раскаялся, заявил ходатайство о применении к нему мер государственной защиты, избличил полностью людей, с которыми совершал данное преступление, решается вопрос о заключении соглашения о сотрудничестве, родные могут обеспечить проживание его в г. Севастополе, накануне был заключено договор о найме жилого помещения, но собственник, когда узнал о мере пресечения, отказался. Решается вопрос о заключении договора о найме жилого помещения. Также адвокат возражала против удовлетворения ходатайства следователя.

Согласно представленной копии расписки, Б. выразил желание участвовать в судебном заседании и воспользоваться услугами адвоката Р. в суде апелляционной инстанции.

Постановление Ленинского районного суда г. Севастополя от 21 октября 2021 года об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражей стороной защиты обжаловано не было.

27.08.2021 года в Адвокатскую палату г. Севастополя поступили пояснения от З. (сестры Б.). З. указывает, что 10.11.2020 года ей стало известно о задержании брата — Б. Уголовное дело находилось в производстве у следователя Н. З. позвонила следователю, чтобы

выяснить обстоятельства задержания брата. Следователь дала телефон адвоката, который защищает брата. З. позвонила этому адвокату. Адвокат представилась как Р. и рассказала о сути задержания: у знакомых Б. были изъяты наркотики и наличные деньги в крупной сумме. Адвокат Р. сказала, что Б. дал признательные показания, что якобы занимался фасовкой наркотиков. Также адвокат говорила, что сделает так, что Б. выйдет по «досудебке» и что для него уже приготовлена квартира, где он будет жить и что надо будет её оплачивать. Также во время разговора адвокат упоминала о своём племяннике, которого судили в Москве по статье с наркотиками, и что она добилась назначения наказания в размере трех лет, а по УДО он выйдет через полгода. Адвокат Р. говорила, что Б. нужно как можно больше рассказывать, если этого не будет, то меньший срок получит его знакомый, так как он уже вышел по «досудебке» и сдал всех. Также обсудили оплату, адвокатом была названа сумма 100000 рублей за полную работу.

З. и её родственники до разговора с адвокатом Р. знакомы не были, для защиты брата её не приглашали. С адвокатом Р. никаких соглашений до этого и в последующем не заключали. Каким образом адвокат Р. стала защитником Б., З. неизвестно.

В этот же день З. позвонила второй адвокат — В. Адвокат В. по делу ничего не сказала и начала спрашивать, договорилась ли З. с адвокатом Р. об оплате. З. ответила, что договорились и пересказала суть разговора с адвокатом Р. Адвокат В. ответила, что оплата составляет 150000 рублей и произвести её надо в ближайшее время. Потом Р. сообщила, что уже заключила договор с Б. на 150000 рублей. Адвокат прислала копию соглашения по электронной почте. Сумму вознаграждения было решено разделить на три части. Первая часть должна быть оплачена до 14 числа, вторая — в декабре, третья — в январе. Р. выслала номер карты своего отца для оплаты своих услуг. Также был выслан договор на имя З.

З. указывает, что они с родственниками не стали делать оплату и решили подумать. Адвокаты постоянно звонили и просили оплату, говорили, что работа пойдёт лучше, если будет плата. Адвокаты могли звонить несколько раз в день, это продолжалось несколько дней.

З. представлены копии скриншотов переписки, из которых усматривается, что пересылались копии постановления об избрании меры пресечения, ходатайство Б. о разрешении адвокату забрать вещи (аналогично копии, представленной адвокатом Р.), а также копия соглашения об оказании юридической помощи от 19 октября 2020 года.

Копия соглашения, представленная З., по содержанию и реквизитам соответствует копии соглашения, представленной адвокатом Р.

Квалификационная комиссия считает установленным факт заключения адвокатом Р. соглашения на оказание юридической помощи с Б. и принятие поручения на его защиту по уголовному делу, что подтверждается пояснениями сторон, копией соглашения от 19.10.2020 года, копиями указанных выше процессуальных документов.

Адвокат Р. не оспаривает и фактически признаёт, что явилась в кабинет к следователю СУ УМВД г. Севастополя Н., где она познакомилась с Б. и предложила ему соглашение на его защиту. Таким образом, квалификационная комиссия считает установленным, что ни Б., ни какое-либо иное лицо по просьбе Б. адвоката Р. не приглашали.

Также квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что соглашение об оказании юридической помощи адвокат Р. заключила с Б. 19 октября 2020 года в помещении УМВД России по г. Севастополю в кабинете следователя.

Согласно соглашению об оказании юридической помощи от 19 октября 2020 года адвокат В. и адвокат Р. с одной стороны и Б. с другой стороны заключили соглашение о следующем.

В соответствии с п.1.1 соглашения общее описание предмета поручения, в отношении которого оказывается юридическая помощь: защита Б. на предварительном следствии по уголовному делу.

Соглашение подписано адвокатами Р., В., а также Б. как доверителем. На соглашении также имеется отпечаток печати адвоката Р. Таким образом, адвокат Р. действовала как защитник Б. именно на основании соглашения от 19.10.2020 года.

В соответствии с п.п.1, 4 ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 года (с изменениями и дополнениями) №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон) адвокат обязан:

честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;

соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно п.2 ст.7 Закона за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несёт ответственность, предусмотренную настоящим Федеральным законом.

В соответствии со ст.5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему.

Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

В соответствии с п.1 ст.8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Согласно п.1, 2 ст.50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый вправе пригласить несколько защитников.

По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

В соответствии с пп.6 п.1 ст.9 КПЭА адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Из положений ст.50 УПК РФ следует, что приглашение защитника является исключительно инициативой подозреваемого, обвиняемого, законного представителя или другого лица по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. В противном случае личная инициатива адвоката по предоставлению помощи является навязыванием помощи. Заявитель не приглашал кого-либо из защитников и не заявил следователю ходатайство о назначении защитника.

Адвокат Р. познакомилась с задержанным Б. до заключения соглашения на его защиту. При этом у адвоката Р. также отсутствовало поручение адвокатской палаты на защиту Б.

В любом случае адвокатом Р. в личных целях использована полученная информация о факте задержания Б., в связи с чем адвокат Р. предприняла попытки общения с Б. Адвокат Р. пояснила, что явилась к следователю для ознакомления с материалами другого уголовного дела, а в кабинете уже находился Б. Адвокат Р. указывает, что узнала о факте задержания Б. от него самого. Комиссия ставит под сомнение возможность свободного (неконтролируемого) общения доверителя с посторонними лицами в кабинете следователя. На момент случайной встречи, описанной адвокатом в объяснениях, у адвоката не имелось никаких полномочий (заключенное соглашение или принятия поручения от Адвокатской палаты города Севастополя на защиту по назначению) для конфиденциального общения с фактически задержанным заявителем. Между тем возможность общения с фактически задержанным заявителем адвокату была предоставлена. Из объяснений адвоката Р. следует, что конфиденциальное общение с Б. состоялось после того, как было заключено соглашение, из

чего следует, что предложение заключить соглашение со стороны адвоката Р. имело место в кабинете следователя в присутствии последнего.

Квалификационной комиссии представляется сомнительной возможность при отсутствии соглашения или постановления о назначении защитника предоставления следователем возможности общения задержанного с адвокатом без использования каких-либо личных связей.

В любом случае общение адвоката к следователю до составления протокола задержания, при отсутствии заключенного соглашения об оказании юридической помощи, просьбы задержанного или его близких, и действия, имеющие явную цель заключить соглашение, является навязыванием услуг Б. и привлечение его в качестве доверителя недостойным способом.

Квалификационная комиссия также учитывает, что адвокат ранее не была знакома с Б., никто из родственников или знакомых последнего не заключал соглашение с адвокатом Р. на защиту, а заключение договора с подзащитным стало возможным только благодаря предоставленной следователем возможности общения адвоката с задержанным заявителем, что указывает на использование адвокатом личных связей с сотрудником правоохранительного органа, что прямо запрещено подп. 6 п. 1 ст. 9 КПЭА. Необходимо также учитывать, что лицо, фактически задержанное по подозрению в совершении особо тяжкого преступления, изначально находится в состоянии стресса и не может не осознавать серьезности такой ситуации. Предложение адвоката при таких обстоятельствах своей помощи однозначно является навязыванием помощи, а использование состояния задержанного лица для предложения заключить соглашение — недостойным способом привлечения лица в качестве доверителя.

Процессуальное оформление задержания Б. осуществлялось после заключения соглашения адвоката Р. С учётом того, что Б. конкретного защитника не пригласил, а следователь не предпринял меры к назначению защитника, квалификационная комиссия оценивает это обстоятельство также как подтверждение личных связей адвоката с правоохранительными органами. При таких обстоятельствах квалификационная комиссия считает опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Р. Поведение адвоката Р. нельзя признать добросовестным.

Также квалификационная комиссия считает противоречивыми объяснения адвоката Р. в следующей части. Так, адвокат указывает: «19 октября 2020 года я явилась к следователю Н. для ознакомления с материалами уголовного дела... В этот момент в кабинете следователя находился гр-н Б. От него я узнала, что он задержан ... при фасовке наркотических средств», однако, далее адвокат указывает, что «о том, кто и когда задержал Б., мне стало известно после того, как Б. подписал соглашение». Также из объяснений адвоката следует, что до её появления в кабинете следователя Б. неоднократно давал изобличающие его и подельников ... объяснения, о чем ей стало известно от следователя, и адвокат Р. ознакомилась с этими объяснениями. Из содержания объяснений следует, что адвокату Р. была предоставлена возможность ознакомления с объяснениями Б. до заключения соглашения. Также квалификационной комиссии представляется сомнительной возможность того, что инициатором общения с Р., в том о факте задержания, являлся Б.

Комиссия приходит к выводу о наличии в действиях адвоката Р. нарушения пп.6 п.1 ст.9 КПЭА, выразившимся в навязывании адвокатом Р. помощи Б. и привлечении его в качестве доверителя путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов и недостойным способом.

Согласившись с выводами квалификационной комиссии, Совет Адвокатской палаты города Севастополя от 11.11.2021 года применил в отношении адвоката Р. Меру дисциплинарного воздействия — предупреждение.

Поведение адвоката вне профессиональной деятельности, которое наносит ущерб авторитету адвокатуры или подрывает доверие к ней, может квалифицироваться

органами адвокатского самоуправления в качестве нарушения правил профессиональной этики при условии, что принадлежность такого лица к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Приведенное регулирование не содержит какой-либо неопределенности, исключаяющей правильное и единообразное применение указанных норм, и отвечает роли, месту и полномочиям адвокатуры как профессионального сообщества адвокатов, действующего на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия.

4 октября 2021 года в Адвокатскую палату города Севастополя поступило представление Вице-президента Адвокатской палаты города Севастополя о нарушении адвокатом И. требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Представление вынесено на основании материалов, поступивших из ОМВД России по ... району г. Севастополя по факту поведения адвоката И., имевшего место 06.09.2021 года, и направленных в Адвокатскую палату г. Севастополя для принятия решения в рамках её компетенции. В представлении указано, что 6 сентября 2021 года адвокат И., находясь в нетрезвом состоянии в общественном месте на территории пляжа «...», расположенного на территории Т. набережной г. Севастополя, затем в отделении полиции и медицинском учреждении во время освидетельствования, на протяжении нескольких часов, сообщая, что она является адвокатом, допускала множественные оскорбительные высказывания нецензурной бранью, в том числе в адрес сотрудников полиции, вела себя не уподобляющим для адвоката образом. Данными действиями порочила честь и достоинство адвокатуры.

К представлению приложены материалы, поступившие из ОМВД России по ... району г. Севастополя. Согласно рапорту полицейского взвода ОБ ППСП ОМВД России по г. Норильску старшего сержанта полиции Б. и полицейского ОВ ПП СП ОМВД России по ... району младшего сержанта полиции К., 06.09.2021 года около 13 часов 20 минут во время несения службы по охране общественного порядка в составе ПП «Братск-412» на территории пляжа «...», расположенный на территории Т. набережной в г. Севастополе в рамках ОПМ «Пляж» были выявлены мужчина и женщина, которые находились в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность, о чём свидетельствовала их шаткая походка, поведение, не соответствующее обстановке, невнятная речь, резкий запах спиртного из полости рта, нецензурная брань. На неоднократные замечания они не реагировали. Сотрудники полиции, подойдя к указанным гражданам представились и предъявили служебные удостоверения. После этого указанным гражданам было предложено добровольно покинуть территорию пляжа, так как те своими действиями нарушали общественный порядок. На замечание сотрудников полиции женщина отреагировала адекватно, стала оскорблять полицейского Б. нецензурной бранью в присутствии посторонних граждан, кричала на него угрожала увольнением из органов внутренних дел, сообщив при этом, что является адвокатом И. На требования полицейского Б. успокоиться и перестать его оскорблять, адвокат И. не отреагировала. Далее адвокат И. стала кому-то звонить со своего сотового телефона и требовать, чтобы с полицейскими разобрались. Сотрудники полиции вызвали на место автопатруль «Братск-407» для дальнейшего доставления данных лиц в ОМВД России по Балаклавскому району с целью составления протокола об административных правонарушениях, а также доставления в СГПБ для проведения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Согласно рапорту полицейского взвода ОВ ППСП ОМВД России по ... району города Севастополя старшего сержанта полиции И., со стороны адвоката Р. имел место ряд оскорбительных высказываний.

Также представлены копии объяснений очевидцев Т., Д., Ж. В объяснениях указанные граждане подтверждают сведения, изложенные в рапортах.

В представленных материалах имеется также компакт-диск с видеозаписями, на которых зафиксированы указанные выше обстоятельства. В представлении приводится содержание высказываний со стороны адвоката И.

Ссылаясь на положения п.1 ст.2, ст.ст.4, 7 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон), п.1 ст.4, п.2 ст.5, п.5 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31 мая 2003 года (далее - КПЭА), Вице-президент Адвокатской палаты города Севастополя полагает, что действия адвоката И. являются грубым нарушением принципа корпоративности, порочат честь и достоинство адвоката, существенно умаляют авторитет адвокатуры. Поскольку адвокат обязан сохранять честь и достоинство, в том числе и вне профессиональной деятельности, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, принадлежность адвоката И. к адвокатскому сообществу была для сотрудников полиции, а также для граждан, находящихся на территории пляжа «...», очевидна.

Адвокат И. направила заявление, в котором обращает внимание, что до настоящего времени к административной ответственности она не привлечена, уголовное дело не возбуждено, представленные аудиофайлы направлены адвокатом И. на экспертизу для выявления фактов подделки, результат не получен. Однако, в СК по Балаклавскому району идёт проверка в соответствии со ст.ст.144-145 УП РФ по изложенным в рапорте полицейского фактам, в связи с чем адвокат И. посчитала имеющиеся материалы недостаточными для рассмотрения по существу.

Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что имеющиеся материалы дисциплинарного дела являются достаточными для рассмотрения по существу представления вице-президента Адвокатской палаты города Севастополя.

В соответствии с п.1 ст.23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства, в том числе с использованием систем видео-конференц-связи. Согласно пп.3 п.5 ст.23 КПЭА участники дисциплинарного производства с момента его возбуждения имеют право давать по существу разбирательства устные и письменные объяснения, представлять доказательства. Ранее рассмотрение дисциплинарного дела было отложено по просьбе адвоката И., в том числе в связи с тем, что ей требовалось время для предоставления объяснений и дополнительных документов. Квалификационная комиссия считает, что у адвоката И. было достаточно времени для предоставления объяснений и доказательств. Однако, адвокатом И. не были представлены объяснения по существу представления, а также какие-либо доказательства.

Относительно отсутствия на момент рассмотрения дисциплинарного дела фактов возбуждения уголовного дела в отношении адвоката И. либо привлечения её к административной ответственности, квалификационная комиссия обратила внимание на следующее.

Согласно п.2 Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 января 2016 года №02/16 по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката (Утверждено Решением Совета ФПА РФ от 28 января 2016 года, в редакции, утвержденной Решением Совета ФПА РФ от 19 апреля 2017 года) наличие признаков уголовно-правового деяния или административного правонарушения в поведении адвоката, установленное компетентными органами, само по себе не является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства.

Согласно п.2.1 указанных Разъяснений КПЭА не содержит в качестве оснований для отказа в возбуждении дисциплинарного производства указание на наличие признаков уголовно-правового деяния или административного правонарушения в поведении адвоката, или наличие возбужденного в отношении адвоката уголовного дела, или дела об административном правонарушении.

В соответствии с п.2.2 этих же Разъяснений 2.2. Общеизвестный принцип римского права «*non bis in idem*» (никто не должен нести двойное наказание за одно преступление) раскрывается правоведами применительно к такому принципу юридической ответственности, как принцип справедливости[1].

Данный правовой принцип указывает на невозможность дважды привлечь к ответственности одного вида. При этом отсутствует запрет на привлечение лица за совершение одного деяния к разным видам ответственности. В частности, к дисциплинарной и к уголовной ответственности, а также к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности и к материальной ответственности (например, п. 32 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ, утв. Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495[2]).

С учётом указанных Разъяснений, квалификационная комиссия приходит к выводам о том, для рассмотрения по существу доводов о наличии или отсутствии в действии (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики не является препятствием наличие либо отсутствие факта уголовного преследования или производства по делу об административном правонарушении в отношении адвоката.

Изучив материалы дисциплинарного дела, в том числе исследовав представленные видеозаписи, квалификационная комиссия посчитала установленными следующие обстоятельства.

6 сентября 2021 года около 13 час. 20 мин. адвокат И. со своим знакомым Р. находилась на территории пляжа «...» на Т. набережной в г. Севастополе. На место прибыл наряд сотрудников полиции, которые подошли к И. Общение сотрудников полиции и И. носило явно конфликтный характер, при этом конфликт инициировался адвокатом. Впоследствии на место прибыл служебный автомобиль с сотрудниками полиции. В ходе общения с сотрудниками полиции, а также во время телефонного разговора с неизвестным лицом в присутствии сотрудников полиции адвокат И. указала на принадлежность к профессии адвоката. На указанном выше автомобиле адвокат И. с её знакомым были доставлены в ОМВД России по ... району, а затем в Севастопольскую городскую психиатрическую больницу для прохождения медицинского освидетельствования на наличие состояния алкогольного опьянения. После прохождения медицинского освидетельствования адвокат И. была доставлена в ОМВД России по ... району для составления протокола об административном правонарушении. Указанные обстоятельства подтверждаются копиями протокола о доставлении от 06.09.2021 года, протокола об административном правонарушении 92 СВ №... от 06.09.2021 года. При этом квалификационная комиссия оценивает указанные протоколы исключительно как подтверждение факта общения адвоката И. с сотрудниками полиции. Правовая оценка формы и содержания протоколов квалификационной комиссией не даётся, так как данные вопросы не относятся к компетенции квалификационной комиссии.

Также в материалах дела имеется копия акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения №... от 06.09.2021 года. Согласно акту, у И. установлено состояние алкогольного опьянения.

На исследованных в ходе заседания зафиксированы обстоятельства общения адвоката И. с сотрудниками полиции на пляже «...», в помещении ОМВД России по ... району, в Севастопольской психиатрической больнице. Квалификационная комиссия считает установленным, что общение носило конфликтный характер, при этом адвокат И. несколько раз явно указала на принадлежность к профессии адвоката, неоднократно употребляла бранные и оскорбительные слова и выражения.

У квалификационной комиссии отсутствуют основания сомневаться в подлинности видеозаписей, а также в том, что на них присутствует именно адвокат И. В связи с этим квалификационная комиссия считает несущественным указание адвоката И. на то, что записи отправлены ею на экспертизу для выявления фактов подделки.

В соответствии с п.4 п.1 ст.7 Закона адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п.п.1, 2 ст.4 КПЭА адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из факта присвоения статуса адвоката.

Согласно п.2 ст.5 КПЭА адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре.

В соответствии с п.5 ст.9 КПЭА в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подрвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

В соответствии с Разъяснением Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 года №02/18 «По вопросам применения п.2 ст.5 и п.5 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждено Решением Совета ФПА РФ от 16.02.2018 года), таким образом, поведение адвоката вне профессиональной деятельности, которое наносит ущерб авторитету адвокатуры или подрывает доверие к ней, может квалифицироваться органами адвокатского самоуправления в качестве нарушения правил профессиональной этики при условии, что принадлежность такого лица к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

Приведенное регулирование не содержит какой-либо неопределенности, исключаящей правильное и единообразное применение указанных норм, и отвечает роли, месту и полномочиям адвокатуры как профессионального сообщества адвокатов, действующего на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия.

При оценке содержания видеозаписей квалификационная комиссия обращает внимание на то, что общение сотрудников полиции с адвокатом И. было вызвано обстоятельствами, явно не связанными с осуществлением профессиональной деятельности, в том числе оказанием юридической помощи. Тем не менее в своих высказываниях адвокат И. несколько раз указала на то, что является адвокатом, после чего для сотрудников полиции, лиц, присутствовавших на пляже, а также медицинских работников принадлежность И. к адвокатскому сообществу стала очевидной. При этом упоминание адвоката И. о принадлежности к профессии являлось элементом бравады и имело цель воздействия на сотрудников полиции. Выражения, избранные адвокатом И. при общении с сотрудниками полиции и медицинскими работниками, содержали множественные нецензурные бранные слова и выражения. Явно вызывающий тон разговора и поведение адвоката И. создали и усугубили конфликтную ситуацию. Также адвокат И. допускала бранные выражения в общественном месте (на пляже).

Учитывая положения п.5 ст.9 КПЭА и Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 16 февраля 2018 года №02/18 «По вопросам применения п.2 ст.5 и п.5 ст.9 Кодекса профессиональной этики адвоката» (утверждено Решением Совета ФПА РФ от 16.02.2018 года), квалификационная комиссия считает недопустимым выражения несогласия с действиями сотрудников полиции при общении с последними и в присутствии третьих лиц с использованием нецензурной брани либо оскорбительных выражений, независимо от того, связано ли это с осуществлением профессиональной деятельностью или поведением в быту.

Подобное поведение унижает честь и достоинство адвоката, а также наносит ущерб адвокатуре, подрывает доверие как к адвокату и адвокатуре в целом. Указанные действия в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте усугбляют степень нарушения.

Квалификационная комиссия приходит к выводу, что в действии адвоката И., выразившимся в том, что она, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вступила в конфликт с сотрудниками полиции, в ходе общения с сотрудниками ОМВД России по ... району и Севастопольской городской психиатрической больницы многократно использовала нецензурную брань, при том, что принадлежность адвоката И. к адвокатскому сообществу была очевидна. Данные действия являются нарушением п.4 п.1 ст.7 Закона, п.2 ст.5, п.5 ст.9 КПЭА.

Решением Совета Адвокатской палаты города Севастополя прекращён статус адвоката И.

Обзор подготовлен председателем Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Севастополя Васильченко Е.А.